

Л.И. Жолудева

История итальянского языка: взгляд из XVI века

Аннотация: В рамках полемики о языке (*questione della lingua*), развернувшейся в Италии в XVI в., неоднократно возникала тема происхождения и исторического развития итальянского языка. Если в предшествующем столетии доминировала точка зрения о его возникновении в результате контаминации с варварскими наречиями и, как следствие, о его «испорченном» характере, то в XVI в. оценочные суждения уступают место апологии родного языка и поиску параллелей между латинской и итальянской языковыми системами. Так, К. Толомеи в трактате «Чезано» не только излагает идеи защиты и прославления народного языка, но и делает ряд нетривиальных для своей эпохи наблюдений. В сочинении Толомеи описываются основные фонетические изменения при переходе от латыни к итальянскому языку, а также объясняются примеры нарушения нормального фонетического развития.

Ключевые слова: история итальянского языка, история итальянской лингвистической мысли, итальянский язык в XVI веке, история романского языкознания

Abstract: In the course of the 16-century Italian language controversy (*questione della lingua*) one of the recurrent topics was the origin and development of Italian. In the XVth century it was common to regard it as a mixed, “bastard” language, the result of Germanic conquests and subsequent language contacts. In the 16th century value judgments gave way to native language apology, to attempts at drawing parallels between Latin and Italian language systems. Thus, in the “Cesano”, a treatise by Claudio Tolomei, one can find – alongside with the *défense et illustration* of Italian – a number of original ideas on history of language. Tolomei describes the main phonetic changes from Latin to Italian and tries to account for some deviations from these rules.

Key words: history of the Italian language, Italian language in the 16th century, Italian linguistic historiography, history of Romance linguistics

В трудах итальянских интеллектуалов XVI в. неоднократно возникает идея исторической изменчивости языка – итальянского, в частности, и живых языков, в принципе. Именно в эту эпоху, на фоне споров о языке (*questione della lingua*), происходит осознание того, насколько далеко итальянские вольгаре отошли в своем развитии от языка-предка, преемственность по отношению к которому они, тем не менее, продолжали ощущать. Какова бы ни была позиция того или иного автора относительно характера и перспектив общего для Италии литературного

языка, почти всегда речь заходит и о том, как быть с прежним литературным языком, на тот момент не до конца утратившим влияние¹. Самое авторитетное из итальянских грамматических сочинений XVI в. – трактат «Беседы о народном языке» Пьетро Бембо (1525 г.) – построено как последовательный и обоснованный призыв к итальянским сочинителям отказаться от использования исключительно латинского языка в литературных произведениях высокого стиля.

Впрочем, еще в предшествующем столетии итальянских гуманистов волновал вопрос, к какой эпохе относится возникновение вольгаре; у ряда авторов встречаются отсылки к спору в приемной папы Евгения IV (1435 г.), когда Леонардо Бруни, Флавио Бьондо и Поджо Поджо Браччолини не сошлись во мнениях о том, насколько однородной была латынь в классическую эпоху и как (и когда) возникли романские языки (см.: [Vitale 1978: 22–23; Marazzini 1999: 27–28]). Даже в тех сочинениях, которые не были посвящены собственно лингвистической тематике, таких как «Книги о семье» Леона Баттисты Альберти, мы обнаруживаем размышления о соотношении вольгаре и латыни (см. вступление к третьей книге трактата). Все упомянутые авторы рассуждают о своего рода «большом взрыве», предшествовавшем возникновению романских языков. Распад Римской империи описывается как катастрофа, положившая конец одновременно и положению Италии как политического центра Европы, и латинскому языку как универсальному средству коммуникации в западной части империи. В XV в., как и в предшествующие столетия, жив стереотип о смешанном происхождении итальянского языка, появившегося в результате языковых контактов между населением бывшей империи и варварами-германцами: «Fu Italia più volte occupata e posseduta da varie nazioni: Gallici, Goti, Vandali, Longobardi, e altre simili barbare e molto asprissime genti. E, come o necessità o volontà inducea, i popoli... se consuefaceano alla nostra [lingua], credo con molti barbarismi e corruttela del proferire. Onde per questa mistura di di in di insalvatichi e viziosi la nostra prima cultissima ed emendatissima lingua» (Alberti L.B. «I libri della famiglia». L. III: 30–37; цит. по: [Alberti 1969]).

Подобный взгляд на народный язык отражает настроения эпохи, оставшейся в истории итальянского языка как «la crisi Quattrocentesca» [Marazzini 1999: 31] – кризис вольгаре, связанный с тем, что после появления произведений Данте, Петрарки и Боккаччо наступило столетие, не давшее новых литературных шедевров на народном языке; одновременно с этим мода на гуманистическую латынь угрожает свести на нет все достижения итальянского языка, претендовавшего на роль если не литературного языка, то во всяком случае языка литературы. Язык-бастард, каким видится итальянский, в XV в. остро нуждается в идеологической поддержке. Леон Баттиста Альберти, активный участник апологии итальянского языка, стал автором его первого – пусть оставшегося неопубликованным – грамматического описания («Grammatichetta vaticana», 1440-е гг.), призванного продемонстрировать, что у вольгаре, как и у латыни, есть грамматическая система, которую можно описать в традициях античного грамматического канона [Patota 1993: 97–98]. В то же время Альберти не стремится полностью подогнать итальянскую языковую систему под сложившуюся схему описания: он отмечает и

¹ Косвенным образом об этом свидетельствует тот факт, что на протяжении XVI в. в Италии по-прежнему издавалось больше книг на латыни, чем на вольгаре [Migliorini 1963: 311], а в начале столетия в библиотеках аристократических семейств печатные книги на итальянском языке составляли порядка 30% против 60% книг на латыни и примерно 10% на французском и других языках [Trovato 1994: 19].

наиболее существенные романские инновации, такие как появление нового наклонения и развитие аналитического способа выражения падежных значений.

В XVI в. изменения идеологического климата (о свидетельствах формирования итальянской национальной идентичности в XVI в. более подробно см. [Жолудева 2016]) приводят к пересмотру статуса итальянского языка. Участники споров о языке неоднократно полемизируют с теорией контаминации как основного фактора развития итальянского языка из латыни, заявляя, что наличие заимствований не делает язык смешанным. Так, Никколо Макиавелли в «Диалоге о языке» («Discorso o dialogo intorno alla nostra lingua», 1525) пишет о наличии заимствований во всех языках, что, по его мнению, не влияет на их сущность: «non si può trovare una lingua che parli ogni cosa per sé senza avere accattato da altri; ...E così i vocaboli forestieri si convertono in fiorentini, non i fiorentini in forestieri; né però diventa altro la nostra lingua che fiorentina» (773b: 7–14, 30–34; цит. по [Machiavelli 1976]).

Клаудио Толомеи в трактате «Чезано» («Il Cesano de la lingua toscana», 1525, изд. 1555; подробнее о датировке трактата см. [Castellani Pollidori 1996]) фактически примиряет два взгляда, говоря, что «тосканский» язык не является испорченной латынью: этот язык, хотя и возник «на развалинах латинского», ничем не уступает всем прочим языкам, появившимся в результате «разрушения» других: «E se n'è di cotal corruzione tal parlar generato che non meno proprio stimar si dee di qualunque altro che del distruggimento d'altre lingue nato sia» (Tolomei C. «Cesano». VIII: 4; здесь и далее цит. по [Tolomei 1996]). Иными словами, Толомеи не ставит под сомнение ни сам факт происхождения итальянского языка от латинского, ни структурные различия между ними, но при этом не видит ничего катастрофического в языковых изменениях подобного рода. При таком подходе соотношение латинской и итальянской языковых систем скорее вызывает исследовательский интерес, что отражают наблюдения Толомеи о сходстве и различиях между двумя языками («A me certo pare che ella habbia co la Romana simiglianze poche e differenze molte»; «Tutte le lingue che di corruzione nate sono riserbano nel loro nuovo nascimento imagine e segno de la lingua corrotta: la qual cosa massimamente e più di tutte l'altre si manifesta ne' vocaboli». – «Cesano». VIII: 1). Говоря о максимальном сходстве между латынью и итальянским на лексическом уровне, Толомеи – фактически одновременно с Н. Макиавелли – имплицитно указывает на то, что именно грамматическая система вольгаре, претерпевшая существенные изменения по сравнению с латинской, определяет идентичность народного языка, его эмансипацию по отношению к языку-предку (ср. рассуждения Макиавелли о глаголе как о «нерве» языка в «Диалоге»).

В трактате Пьетро Бембо «Беседы о народном языке» («Prose della volgar lingua», 1525) вновь возникает мысль о германском факторе и его роли в формировании итальянского языка: «Presi adunque e costumi e leggi, quando da questi Barbari e quando da quegli altri, e più da quelle nazioni che posseduta l'hanno più lungamente, la nostra bella e misera Italia cangiò, insieme con la reale maestà dell'aspetto, eziandio la gravità delle parole, e a favellare cominciò con servile voce; la quale, di stagione in stagione a' nepoti di que' primi passando, ancor dura, tanto più vaga e gentile ora che nel primiero incominciamento suo non fu, quanto ella di servaggio liberandosi ha potuto intendere a ragionare donnescamente» (P. Bembo. «Prose...». I: vii; здесь и далее цит. по [Bembo 1989]). Как и гуманисты предшествующего столетия, Бембо привносит оценочный компонент в повествование о начале истории итальянского языка. Характерно, что в отличие от Толомеи и Макиавелли, Бембо придерживался иных

взглядов и на языковую норму. Именно авторитет Бембо не в последнюю очередь predetermined выбор в качестве основы нормы не живой узус одного из регионов, речь которого обладала максимальным престижем, а литературные образцы, заведомо устаревшие в языковом отношении¹. Поиск и имитация авторитетов из прошлого, – если не античного, то относительно недавнего, но от того не менее славного, каковым был для Италии XIV в., – для Бембо был залогом будущей славы и богатства народного языка.

Джанджорджо Триссино, автор неудавшейся реформы итальянской орфографии, в трактате «Грамматические сомнения» («I dubbi grammaticali», 1529) также пишет об итальянском языке как о «испорченной» латыни, однако он и о латыни пишет как об испорченном греческом: «se ben i latini tutte le loro voci con queste sole lettere rappresentavan, devem considerare che altra e lingua latina, et altra la italiana; la quale, se bene e una corruzione di essa latina si come anchora la latina e una corruzione de la greca, non e però che la italiana non sia diversa da la latina si come la latina parimente e diversa da la greca» [Castellani 1986: 92]. Не вполне ясно, что именно Триссино имеет в виду, говоря о латыни как испорченном греческом; вероятно, здесь мы сталкиваемся с одним из общих мест², когда эволюция алфавитного письма и преемственность литературной традиции оказывались в одной парадигме с внутриязыковыми изменениями, приведшими к возникновению итальянского от латыни. Так или иначе, Триссино делает акцент не на «испорченном» характере народного языка, а на его самобытности, нуждающейся в оформлении, в том числе на уровне графики и орфографии.

Полемизируя о путях формирования итальянской языковой нормы, участники questione della lingua прибегали не только к аргументам идеологического характера, но и, как уже говорилось, приводили доводы иного характера. Леон Баттиста Альберти в своей грамматике представил синхронный срез, обобщенно охарактеризовал узус своих современников – носителей флорентийского диалекта XV в., оставаясь при этом в рамках античного грамматического канона. В свою очередь Клаудио Толмеи в трактате «Чезано» обратился к диахронии и указал на структурные различия между латынью и вольгаре не только на уровне грамматики, но и на фонетическом уровне.

Сопоставление латинской и итальянской фонетики Толмеи начинает с указания на принцип, с его точки зрения являющийся базовым для большинства произошедших изменений: итальянский язык «стремится к нежности» и «избегает жесткости и грубости» («ne la Toscana tutte le composizioni rozze e dure si schifano e cercasi la tenerezza quanto più si puote». – «Cesano». VIII: 7). Этому способствует:

¹ См. ответ Карло Бембо, персонажа трактата, наиболее точно выражающего авторскую точку зрения, на вопрос о том, не лучше ли было бы смешать черты старого языка, освященного традицией, и современный узус: «– Se di questo dubbio voi mi potete, messer Carlo, così caminando far chiaro, ditemi: quando alcun fosse, il quale nello scrivere, né a quella antica toscana lingua, né a questa nuova in tutto tenendosi, delle quali disputato avete, ma dell'una e dell'altra le migliori parti pigliando, amendue le mescolasse e facessene una sua, non lo lodereste voi più che se egli non le mescolasse? – Io – disse mio fratello – il loderei, quando egli tuttavia facesse in modo che la sua mescolata lingua fosse migliore, che non è la semplice antica. Ma ciò sarebbe più malagevole affare, che altri per aventura non istima; con ciò sia cosa che il men buono aggiunto al migliore non lo può miglior fare di quello che egli è, men buono si il fa egli sempre» (P. Bembo. «Prose...». I: xx).

² Подробнее о теориях, подчас фантастических, выдвигавшихся итальянскими гуманистами в поисках собственной национальной идентичности, см. [Шумилин 2015].

– избегание стечений глухих согласных: «Laonde ne la Romana si congiungono due mute diverse che fanno aspra testura; ne la Toscana si fuggon sempre nè mai s'accostano insieme» («Cesano». VIII: 8);

– упрощение групп «согласный + s»: «In quella ogni muta può trovarsi innanzi a l's, che porge una certa durezza di suono a l'orecchie altrui; in questa non mai» («Cesano». VIII: 8);

– развитие неслоговых *i* (<j>) и *u* (<w>): «Ne la nostra s'usa lo *i* e l'*u* liquido doppo ciascuna consonante, che addolcesce con quel liquefarsi e distruggersi tutta la parola; ne la loro, fuori di due casi, questo nè s'usa nè si riceve» («Cesano». VIII: 8);

– распространение геминат: «Fuggiva quell'antica il raddoppiamento de le consonanti; non ha questa nuova che più gli aggradi o più la diletta» («Cesano». VIII: 9);

– переход групп «согласный + l» в «согласный + j»: «Truovasi ne la Latina lingua infinite volte lo *l* in mezzo de le mute e de le vocali, come *plenus, clavis, afflatus*, e mille altri; ne la Toscana rarissime volte questo si scerne: anzi sempre rivolta quello *l* in *i* liquido, e dice *pieno, chiave, fiato*, con gli altri simili» («Cesano». VIII: 11);

– тенденция к вокалическому исходу слова (в качестве исключений из правила называются предлоги и некоторые другие односложные слова): «Quella [la Romana] spesso finisce in consonanti, o mute, o liquide o mezze vocali che elle sieno, questa, ne le sue pure parole, sempre cuopre l'edifizio suo con una vocale» («Cesano». VIII: 13);

– тенденция к озвончению глухих взрывных (в частности, *t*) в интервокальной позиции: «E questa lettera *d* per la sua dolcezza è molto amata da la toscana favella. Il che ben si conosce, che ella spesse volte, fuggendo la durezza del *t* Latino, lo converte ne la sua lingua in *d*, dicendo padre, madre, pietade, e infiniti con questi» («Cesano». VIII: 16–17);

– устранение оппозиции по долготе / краткости гласных: «Havevano i Romani, si come i Greci, ne le lor sillabe tempo breve e lungo, onde se ne tesseva la vaghezza de' lor versi, perché altre sillabe eran longhe, altre brevi, altre comuni. Questa differenza non si scerne hoggidì ne le parole Toscane, perché egualmente e con una stessa misura di tempo par che sieno da ciascun proferite» («Cesano». VIII: 30–31);

– исчезновение фонемы <h>, описываемой как «аспирация»: «Seguita il dir de l'aspirazioni, ne le quali, quando io un poco vi guardo, non trovo amicizia o parentado alcuno tra gli ordini de' Latini e gli ordini nostri, perché appresso loro solo aspiravano e davano quel fiato a le sillabe che incominciavano da le vocali, come *honor, habeo, heri, humanitas*... Ma ne la nostra pronunzia il contrario in tutto si ritrova, con ciò sia cosa che nissuna sillaba che habba il principio da vocale s'aspira mai» («Cesano». VIII: 38–39);

– исчезновение латинских дифтонгов и образование собственно итальянских, количество которых (исходя из того, какие из них считать дифтонгами, а какие бифонемными сочетаниями) во времена Толомеи оставалось дискуссионным вопросом: «...erano appresso i Romani cinque dittongi, i quali in una stessa sillaba suono doppio gli rendevano, ma ne la nostra ciò trovasi egualmente. E certo, o nissun dittongo si spazia per la Toscana lingua, o molto più di questi senza dubbio alcuno: perché se vera è l'opinione di coloro che fui, mio tuo, lei e altri infiniti sieno dittonghi, quanti perdio saranno più questi che Latini?.. Assai aiuta le ragion nostre il conoscer che nissuna di queste scuole camini per la strada de' Latini, ma segue un viaggio che suo è e proprio» («Cesano». VIII: 40–41).

Толомеи отмечает, что если в слове встречаются отклонения от описанных им закономерностей естественного фонетического развития, то речь идет о книжных словах, латинизмах, а не о словах устной традиции: «E arderei dire che nel primo e puro

parlar de gli uomini Toscani questa fusse universale e verissima regola, e che tutti que' vocaboli che hor altrimenti s'usano o scritti trovano, come *plora, implora, splende e plebe*, e simili, non fussero presi del mezzo de le piazze di Toscana, ma posti innanzi da gli scrittori, e da qualche ingegno che volse la lingua arricchire, che gli prese come ne le stampe Latine gli trovò, senza dar lor forma di Toscano parlare". Фактически здесь, задолго до младограмматиков, Толомеи формулирует идею фонетического закона и указывает на латинизацию как одну из наиболее частотных для итальянского языка причин нарушения нормального хода фонетических процессов. Здесь же объясняется происхождение этимологических дублетов: "Perché senza dubbio il comune uso di quel secolo haverebbe, s'egli avesse quei vocaboli ricevuti, *piora, impiora, spiende e pieve* detto: come di quest'ultimo n'habbiamo manifesto cenno, che vulgarmente *pieve* si chiama quella sorta di chiesa ordinata a la religion d'una plebe» («Cesano». VIII: 12).

Здесь же, рассуждая о неизменности места ударения в слове даже при наличии постпозитивных форм местоимений, Толомеи сравнивает позицию безударных местоимений в латыни и «тосканском» и приходит к выводу, что народный язык с его тенденцией к энклизе (*fassi, dammelo*) в этом отношении оказывается ближе к древнееврейскому, чем к собственному языку-предку («Cesano». VIII: 18–21).

Толомеи довольно подробно останавливается на правилах элизии и апокопы, а также на положении ударения в слове – тех характеристиках, которые, с его точки зрения, хорошо иллюстрируют своеобразие итальянского языка на фонетическом уровне: «A noi basta per hora intender come questa usanza de lo sminuir così le parole nel fine è bella e varia, e de' Toscani molto propria» («Cesano». VIII: 28).

Далее в трактате рассматриваются грамматические инновации:

– появление артикля, выражающего не только противопоставление по определенности / неопределенности, но и род и число: «Perché noi sappiamo per certa cosa come i Romani non usavano gli articoli, i Greci con molta vaghezza gli usavano. Usangli ancora i Toscani, e ne' maschi e ne le femmine e nel maggior numero e nel minor differenti. ... Es èvvi differenza di sentimento in quelle parole che hanno l'articolo a quelle che non l'hanno» («Cesano». VIII: 42–43);

– исчезновение морфологического и развитие синтаксического способа выражения падежных значений (здесь Толомеи снова проводит параллель между латинским и греческим языками, с одной стороны, и итальянским и древнееврейским, с другой): «Variasi per cagion de' casi molto più, con ciò sia cosa che il Tosco idioma, non mutando nel fin de le parole i casi suoi come fanno i Greci e Latini, si sforza imitare in questa parte gli Ebrei i quali, particole differenti poste nel principio, ci mostran la varietà de' casi: così la nostra lingua, ad esempio di quella, dice la porta, de la porta, a la porta, la porta, da la porta» («Cesano». VIII: 45).

Затем Толомеи, не ставящий себе целью полностью описать изменения в грамматике от латыни к итальянскому, тут же переходит к порядку слов: «Ma quello che più ci scuopre questa luce e ce la manifesta è la tela e orditura de le nostre parole, perché ne' medesimi concetti altrimenti ordinano le parole i Latini, altrimenti i Toscani» («Cesano». VIII: 47).

Подводя итог сопоставлению латинской и итальянской языковых систем, Толомеи заявляет о недопустимости дословного перевода, игнорирующего структурные различия между языками: «...essendo diverso idioma, havendo nuove figure di dire, i vocaboli non egualmente risonanti, gli accenti che le voci fanno splendide, quasi in tutto variati, egli è forza per far opera che bella sia, in questi volgimenti d'una lin-

gua ne l'altra ubbidire a le forme e le stampe di quella ne la quale si trasferisce, non di quella onde l'argomento si piglia».

В отношении заимствованной лексики Толомеи, как и Макиавелли, замечает, что она не делает язык смешанным; более того, языков без заимствований не существует: «se nissuno idioma dovesse havere o forma o origine di forestieri vocabuli, nissuna lingua sarebbe che propria fusse, essendone in ciascuna molti e molti variamente mescolati» («Cesano». VIII: 53).

Еще одна важная – как в контексте трактата, так и в более широком контексте итальянских споров о языке – мысль Толомеи касается первичности устной речи¹: «[la lingua] per il fine al quale fu da la natura ordinata, non ha bisogno d'alfabeto alcuno» («Cesano». VIII: 55). Открыто полемизируя с Триссино², он одновременно выступает и против насильственного воздействия на узус в принципе, поскольку язык – это «дар Природы» («Cesano». VIII: 55).

Возвращаясь к исторической проблематике «Чезано», стоит отметить, что степень подробности, с которой автор рассматривает фонетические соответствия между латынью и итальянским («тосканским»), выделяет его трактат на фоне лингвистических сочинений первой половины XVI в. Отталкиваясь от идеи апологии родного языка, демонстрируя его самостоятельность и структурное своеобразие, Толомеи вплотную подходит к такому понятию, как фонетический закон. Он не только перечисляет основные фонетические процессы, повлиявшие на облик итальянского слова, но и оговаривает условия нарушения тех закономерностей, которые описывает (книжная лексика, латинизация), и указывает на живой разговорный язык как на источник фонетических инноваций.

Во второй половине XVI в. появится еще ряд работ, посвященных исследованию итальянской фонетики в синхронии [Maraschio 1992]. Будет продолжен и спор о том, какое влияние живой диалект Флоренции может оказать на становление и кодификацию итальянской языковой нормы [Marazzini 1993: 14]. И несмотря на то что именно XVI в. можно считать веком становления итальянской историографии (в подтверждение этого достаточно назвать имена Франческо Гвиччардини и Никколо Макиавелли, а для второй половины столетия и начала XVII в. – Паоло Сарпи), исторические мотивы в итальянской лингвистической мысли так и не оформились в самостоятельное направление. В рамках апологии народного языка параллели между итальянским и латынью были призваны продемонстрировать, с одной стороны, преемственность между старым и новым литературным языком Италии, а с другой – самодостаточность итальянского, его готовность выполнять все коммуникативные функции³. Во второй половине XVI в., когда задачи апологии были, в целом, решены, исторические параллели и споры о смешанном характере языка уступили место практической работе – систематизации и закреплению того, что уже было известно об итальянской грамматике и лексике, чтобы в кратчайшие сроки ответить на вызовы новой эпохи.

¹ Более подробно эту мысль Толомеи развивает в трактате «Полито» («Il Polito», 1525).

² Подробнее о разногласиях Триссино и Толомеи относительно реформы орфографии см. [Zholudeva 2016].

³ В «Чезано» Толомеи замечает, что для усовершенствования языка необходимо, чтобы на нем сочинялась не только развлекательная литература; важны и другие жанры письменности – к примеру, исторические и философские сочинения и другие «cose d'importanza» («Cesano». VII: 22–24).

ЛИТЕРАТУРА

Жолудева Л.И. Этнонимы и национальные стереотипы в итальянской литературе XVI века // Древняя и новая Романия. 2016. Т. 17. № 1(17). С. 188–199.

Жолудева Л.И. Языковая концептуализация итальянской идентичности в грамматиках первой половины XVI века // Итальянская идентичность: единство в многообразии / Под ред. Г.Д. Муравьевой и К.В. Явнилович. М., 2015. С. 80–90.

Косарик М.А. К проблеме традиции и инновации в истории языкознания. Ренессансная и современная лингвистические парадигмы—связь эпох // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 1995. № 5. С. 104–116.

Шумилин М.В. «Я этруск, происхожу от этрусков»: национальная идентичность в комментарии Анния из Витербо к «Вергунниане» Проперция // Итальянская идентичность: единство в многообразии / Под ред. Г.Д. Муравьевой и К.В. Явнилович. М., 2015. С. 50–67.

Alberti L.B. I libri della famiglia. A cura di Ruggiero Romano, Alberto Tenenti. Torino: Einaudi, 1969. 425 p.

Bembo P. Prose della volgar lingua. Gli Asolani. Rime. A cura di C. Dionisotti. Milano: TEA, Editori associati, 1989. 731 p.

Machiavelli N. Discorso o dialogo intorno alla nostra lingua. Torino: Einaudi, 1976. 132 p.

Maiden M. Storia linguistica dell'italiano. Bologna: Mulino, 1998. 308 p.

Marazzini C. Da Dante alla lingua selvaggia. Roma: Carocci, 1999. 268 p.

Marazzini C. Storia della lingua italiana. Il secondo Cinquecento e il Seicento. Bologna: Il Mulino, 1993. 403 p.

Migliorini B. Storia della lingua italiana. Firenze: Sansoni, 1963. 842 p.

Skytte G. Dall'Alberti al Fornaciari. Formazione della grammatica italiana // Revue Romane. 1990. Bind 25. 2, pp. 269–278.

Tavoni M. Storia della lingua italiana. Il Quattrocento. Bologna: Mulino, 1992. 452 p.

Tolomei C. Il Cesano de la lingua toscana. Firenze: Presso l'Accademia della Crusca, 1996. 120 p.

Trifone P. La lingua e la stampa nel Cinquecento // Storia della lingua italiana. A cura di Luca Serianni e Pietro Trifone. Vol. I. Torino: Einaudi, 1993, pp. 425–451.

Trovato P. Storia della lingua italiana. il primo Cinquecento. Bologna: il Mulino, 1994. 471 p.

Maraschio N. Introduzione // Trattati di fonetica del Cinquecento. Firenze: Accademia della Crusca, 1992, pp. XIX–LXII.

Trissino G. G. Scritti linguistici. A cura di A. Castelvechi. Roma: Salerno editrice, 1986. 215 p.

Zholudeva L. Suggestions for alphabetical standardization in 16-century Italian and Portuguese linguistic treatises // C. Assunção, G. Fernandes, R. Kemmler (Eds.) Tradition and Innovation in the History of Linguistics. Münster: Nodus Publikationen, 2016, pp. 420–429.

REFERENCES

Kossarik M.A. On the Problem of Tradition and Innovation in the History of Linguistics. Renaissance and Contemporary Linguistic Paradigm – the Bond of Epochs. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 1995. No 5, pp. 104–116.

Shumilin M.V. «I am Etruscus, I am descended from the Etruscans»: National Identity in the Comments Anniius of Viterbo to “Vertunniane” Propertius. In: Italian Identity: Unity in Diversity / Eds. G.D. Muravjeva, K.V. Yavnilovich. Moscow. 2015. pp. 50–67.

- Alberti L.B. I libri della famiglia / A cura di Ruggiero Romano, Alberto Tenenti. Torino: Einaudi, 1969. 425 p.
- Bembo P. Prose della volgar lingua. Gli Asolani. Rime / A cura di C. Dionisotti. Milano: TEA, Editori associati, 1989. 731 p.
- Machiavelli N. Discorso o dialogo intorno alla nostra lingua. Torino: Einaudi, 1976. 132 p.
- Maiden M. Storia linguistica dell'italiano. Bologna: Mulino, 1998. 308 p.
- Marazzini C. Da Dante alla lingua selvaggia. Roma: Carocci, 1999. 268 p.
- Marazzini C. Storia della lingua italiana. Il secondo Cinquecento e il Seicento. Bologna: Il Mulino, 1993. 403 p.
- Migliorini B. Storia della lingua italiana. Firenze: Sansoni, 1963. 842 p.
- Skytte G. Dall'Alberti al Fornaciari. Formazione della grammatica italiana. *Revue Romane*. 1990. Bind 25. 2, pp. 269–278.
- Tavoni M. Storia della lingua italiana. Il Quattrocento. Bologna: Mulino, 1992. 452 p.
- Tolomei C. Il Cesano de la lingua toscana. Firenze: Presso l'Accademia della Crusca, 1996. 120 p.
- Trifone P. La lingua e la stampa nel Cinquecento. In: Storia della lingua italiana / A cura di Luca Serianni e Pietro Trifone. Vol. I. Torino: Einaudi, 1993, pp. 425–451.
- Trovato P. Storia della lingua italiana. il primo Cinquecento. Bologna: il Mulino, 1994. 471 p.
- Maraschio N. Introduzione. In: Trattati di fonetica del Cinquecento. Firenze: Accademia della Crusca, 1992, pp. XIX–LXII.
- Trissino G.G. Scritti linguistici / A cura di A. Castelvechi. Roma: Salerno editrice, 1986. 215 p.
- Zholudeva L. Suggestions for Alphabetical Standardization in 16-century Italian and Portuguese Linguistic Treatises. In: Tradition and Innovation in the History of Linguistics / C. Assunção, G. Fernandes, R. Kemmler (Eds.) Münster. Nodus Publikationen, 2016, pp. 420–429.
- Zholudeva L. Ethnonyms and National Stereotypes in Italian Literature of the XVIth century. *Ancient and New Romagna*. 2016. Vol. 17. No 1(17), pp. 188–199.
- Zholudeva L. Language Conceptualization of the Italian Identity in Grammars of the First half of the XVIth century. In: Italian Identity: Unity in Diversity / Eds. G.D. Muravjeva, K.V. Yavnilovich. Moscow. 2015, pp. 80–90.

Сведения об авторе:
 Любовь Ивановна Жолудева,
 канд. филол. наук
 ст. преподаватель
 кафедра романского языкознания
 филологический факультет
 МГУ имени М.В. Ломоносова

Lyubov I. Zholudeva,
 PhD
 Senior Lecturer
 Department of Romance Linguistics
 Philological Faculty
 Lomonosov Moscow State University
 l.zholudeva@gmail.com